

Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова

Возврат без адреса

• СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ ДУХИ •

≡ Книга 11 ≡



• УЮТНЫЙ МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ •

Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова
Книга 11. Следствие ведут
духи. Возврат без адреса

<https://litres.ru/74169657>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера приходит в пункт выдачи за картриджами, а получает чужую коробку с двумя этикетками и синим брелоком. Уборщица Галина Петровна успевает предупредить: «Не отдавайте» — и той же ночью погибает под колёсами машины.

В новом жилом комплексе уже случались квартирные кражи без взлома. Коробки исчезают и возвращаются, электронные ключи открывают не те двери, а служебные маршруты ведут сквозь стены. Вместе с Олесей, Настасьей Петровной и сдержанным экспертом Антоном Ланским Вера пытается найти настоящего адресата предупреждения.

Но один поспешный шаг выдаёт преступнику, что синий брелок найден. Теперь улики могут сгореть, свидетель — стать следующей жертвой, а неправильный возврат всё ещё ищет свой адрес.

Содержание

Глава 1. Неправильный возврат	4
Глава 2. Записка без адресата	16
Глава 3. Человек от страховщика	29
Глава 4. Дом, который всем открывает	41
Глава 5. Проверка, которой не было	53
Глава 6. Недостача Ольги	66
Глава 7. Маршрут через стену	79
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Виктория Ончукова, Виктор Алеветдинов

Книга 11. Следствие ведут духи. Возврат без адреса

Глава 1. Неправильный возврат

К семи вечера я успела закончить статью, дважды переписать последний абзац и понять, что картридж в принтере закончился именно из уважения к моим срокам. В приложении уже час горела надпись: «Заказ ждёт в пункте выдачи». Пункт находился в новом жилом комплексе через два двора, поэтому я решила забрать коробку до закрытия и заодно купить хлеб.

На улице стоял тёплый конец июня. Во дворе дети гоняли мяч между припаркованными машинами, а взрослые делали вид, что звук удара по кузову их не касается. Я прошла мимо магазина, напомнила себе про хлеб и через минуту уже забыла о нём.

Пункт выдачи заказов занимал помещение на первом этаже. Перед дверью стояли две женщины с пакетами и мужчина, прижимавший к груди большой вентилятор. По выраже-

нию его лица было понятно: прибор либо сломался, либо работал не на него.

Внутри оказалось жарче, чем на улице. Очередь начиналась у стойки, обходила банкетку и заканчивалась возле примерочной. За компьютером сидела молодая женщина с бейджем «Ольга». Она принимала возврат платья и одновременно искала коробку для пожилого мужчины. Тот уверял, что во вторник видел заказ на нижней полке.

— Во вторник он мог быть где угодно, — сказала Ольга, не поднимая головы. — Назовите код ещё раз.

— Я уже называл.

— Тогда назовите так, чтобы система услышала.

Мужчина продиктовал цифры громче. Система снова отказала.

У стены ждала женщина в рабочем халате. Рядом стояли ведро и тележка с серой тряпкой. Она несколько раз подходила к стойке, но посетители один за другим вклинивались перед ней.

Я встала за мужчиной с вентилятором. Он уточнил, иду ли я за заказом, и сообщил, что возврат намного сложнее. По его опыту, тут требовался характер.

Женщина с ведром снова приблизилась к стойке.

— Оля, мне на минуту.

— Галина Петровна, подождите, пожалуйста. Я сейчас людей отпущу.

— Мне не про уборку.

— Я поняла. Одну минуту.

Галина Петровна посмотрела на закрытую служебную дверь за стойкой. Её рука лежала на ручке тележки, но пальцы сжались так, что кожа на костяшках побелела. Я отметила это машинально и тут же отвлеклась: мужчина с вентилятором начал снимать скотч зубами.

— Ножницы попросите, — посоветовала я.

— Тогда они будут знать, что я открывал коробку.

— Вы стоите перед камерой.

Он поднял голову, нашёл камеру и перестал грызть скотч.

Через двадцать минут очередь дошла до меня. Я показала код. Ольга провела сканером по экрану телефона, затем по коробке, которую достала с нижнего стеллажа. Сканер пискнул, экран мигнул и выдал красную строку.

— Ещё раз, — сказала Ольга скорее компьютеру, чем мне.

Вторая попытка закончилась тем же. Она ввела номер вручную, нахмурилась и повернула коробку другим боком.

Ольга уточнила, заказывала ли я картриджи. Я добавила, что в коробке должен быть ещё блокнот. Вес не совпадал: бумага не могла добавить упаковке полкилограмма.

За моей спиной очередь уже считала, сколько времени я трачу на простую выдачу.

— Код совпадает, — сказала она. — Откройте здесь.

Коробка была размером с обувную. На верхней стороне была наклеена белая этикетка с моим номером заказа. Один угол плохо приклеился и приподнялся. Под ним виднелся

край другой наклейки. На боковой стенке темнела вмятина, будто коробку прижали дверью.

Я потянула за верхний угол.

— Не надо снимать, — быстро сказала Ольга.

— Почему?

— Потом не докажем, что она так пришла.

— А сейчас докажем?

Ольга посмотрела на камеру.

— Сейчас хотя бы видно, что вы её не переклеивали.

Мужчина с вентилятором одобрительно хмыкнул. Очередь получила подозреваемую и заметно оживилась.

Я разрезала ленту канцелярским ножом, который Ольга подала рукояткой вперёд. Внутри лежал свёрнутый кусок упаковочной бумаги. Картриджей не было. Блокнота тоже. Я развернула бумагу, и на стойку упал синий пластиковый брелок.

Он был круглый, с коротким металлическим кольцом и потёртым белым номером. Такие брелоки прикладывают к домофону или электронному замку. Я коснулась его пальцем. Пластик оказался тёплым, хотя коробка стояла у пола под кондиционером.

— Это ваше? — спросила Ольга.

— Я заказывала вещи, которые умеют писать. Этот умеет только открывать.

— Тогда ошибка вложения.

Она взяла брелок салфеткой, положила рядом с клавиату-

рой и снова просканировала этикетку. На экране появилась карточка моего заказа: два наименования, вес семьсот граммов. Ольга поставила коробку на весы. Они показали сто восемьдесят четыре.

— Очень лёгкий блокнот, — заметил мужчина с вентилятором.

— Вы уже всё вернули? — спросила Ольга.

— Я помогаю следствию.

— Тогда не загораживайте дверь.

Он отошёл, но остался слушать.

Я наклонила приподнятый край этикетки. Нижняя наклейка была старше: бумага посерела, часть текста стёрлась. Код начинался иначе. Справа сохранились две буквы фамилии и цифры, похожие на номер квартиры.

— Там чужая этикетка, — сказала я.

— На возвратах бывает. Коробки используют повторно.

— Но верхняя наклейка приклеена поверх неё недавно.

— И это бывает.

Галина Петровна подошла ближе. Тележка задела банкетку, ведро качнулось, и мужчина с вентилятором отпрыгнул так быстро, словно в нём наконец включили нужную скорость.

— Оля, эту коробку нельзя дальше, — сказала Галина Петровна.

Ольга резко повернулась.

— Вы про неё?

— Я про возврат. Он неправильный.

— Какой именно?

Галина Петровна взглянула на людей за моей спиной и замолчала. Потом перевела глаза на синюю метку возле клавиатуры.

— Вот этот.

— Вы знаете, чей брелок? — спросила я.

Она посмотрела на меня. Лицо у неё было усталое, но взгляд оставался внимательным.

— Вы его нашли?

— В коробке.

— А коробка откуда?

— Из вашего стеллажа, — ответила Ольга. — Галина Петровна, давайте потом. У меня выдача встала.

— Потом его уже увезут.

— Сегодня машина ушла.

— Не машина.

Галина Петровна снова посмотрела на служебную дверь. В этот момент из примерочной вышла женщина в новом костюме и потребовала оценить посадку. За ней выбежал мальчик, потянул тележку уборщицы и развернул её поперёк прохода. Ведро поехало к стойке.

Галина Петровна схватила ручку. Я шагнула в сторону, мужчина поднял вентилятор над головой, а Ольга успела убрать клавиатуру. Вода не пролилась, но очередь пришла к единому мнению, что виноват пункт выдачи.

— Здесь проход должен быть свободен!

— А куда ей ставить тележку?

— Ребёнка надо смотреть!

— Я и смотрю, он рядом!

Ольга хлопнула ладонью по стойке.

— Пять минут без общего собрания! Пожалуйста!

На несколько секунд стало тише. Галина Петровна наклонилась ко мне.

— Не отдавайте...

Договорить она не успела. Мужчина с вентилятором поставил коробку на край стойки, та соскользнула и ударилась о пол. Все повернулись к нему. Ольга закрыла глаза.

— Я предупреждал, что возврат сложнее, — сказал он.

Пока он поднимал коробку, Галина Петровна отступила к стене. Я хотела спросить, что именно нельзя отдавать и кому, но Ольга уже взяла мою коробку.

— Оформляю как ошибочное вложение. Вам вернут деньги.

— А мой заказ?

— Закажите снова.

— А брелок?

— Останется здесь. Мы положим его в проблемные товары.

Она показала на пластиковый контейнер под стойкой. В нём лежал один кроссовок.

— Остальное уже нашли? — спросила я.

— Это только за сегодня.

Ольга положила синий брелок в контейнер. Я увидела, как Галина Петровна качнула головой.

— Что? — спросила я.

Она приблизилась, но посетительница в костюме встала между нами и потребовала вернуть деньги за вещь, которую ещё не сняла. Ольга отправила её в примерочную. Пока проход освободился, Галина Петровна уже катила тележку к служебной двери.

— Подождите! — позвала я.

Она оглянулась.

— Я до девяти здесь, — сказала она. — Мне надо сначала проверить.

— Что проверить?

Но дверь закрылась. Замок щёлкнул после короткого электронного сигнала.

Ольга распечатала мне чек об отмене. Сканер снова отказался читать штрихкод на коробке.

— Да что с тобой сегодня, — пробормотала она и ударила ладонью по его корпусу.

Сканер ожил.

— Технический метод? — спросила я.

— Самый надёжный. Только в инструкции его не печатают.

Она провела лучом по верхней этикетке. На экране появилась надпись: «Возврат зарегистрирован». Ниже остава-

лось пустое поле.

— А куда он пойдёт? — спросила я.

— В сортировочный центр.

— Здесь адреса нет.

Ольга нажала на строку, перешла в другое окно и снова нахмурилась.

— Не назначился маршрут.

— Значит, коробка остаётся?

— До утра. Завтра поддержка исправит.

— А нижнюю этикетку вы проверите?

— Вера Сергеевна, я сейчас закрою пункт, закончу возвраты и проверю всё, что успею. Оставьте номер телефона. Если найдём ваши картриджи, сообщу.

Я написала номер на обратной стороне чека. Ольга сунула его под клавиатуру, затем подняла пластиковый контейнер, чтобы убрать за стойку. Синий брелок лежал сверху.

Я вышла из пункта с чеком вместо заказа и снова забыла хлеб. Олеся давно считала, что простые поручения мне лучше выдавать письменно и с сопровождающим.

У двери я вспомнила про Галину Петровну и осталась ждать. Через стекло было видно, как Ольга убирает синий брелок в прозрачный пакет. Она заклеила край, написала время и положила упаковку в ящик.

Из служебного коридора вышла Галина Петровна. Ведро при ней уже не было. Она заметила, что я стою снаружи, и приоткрыла дверь.

— Вы не ушли?

— Вы просили подождать. Кому нельзя отдавать брелок?

Она посмотрела на улицу. У банкомата всё ещё возился мужчина с вентилятором. Возле соседнего подъезда две женщины громко обсуждали возврат платья.

— Не здесь, — сказала Галина Петровна. — И не при всех.

— Тогда выйдем во двор.

Она уже переступила порог, но Ольга позвала её проверить подсобку: там снова потекла раковина. Галина Петровна остановилась и посмотрела на часы.

— Я закончу и найду вас. Вы далеко живёте?

— Через два двора.

— Подождите у подъезда минут десять.

Я согласилась. Ольга заперла вход, а Галина Петровна вернулась в коридор.

Через десять минут Галина Петровна так и не появилась. Ещё пять минут спустя Ольга погасила свет в зале и ушла другим выходом. Я обошла здание; двор был пуст, а её телефона у меня не было.

Я позвонила Олесе. Она ответила не сразу.

— Ты получила заказ?

— Получила возврат.

— Это новый уровень обслуживания.

Я рассказала про две этикетки и синий брелок. Олеся перестала шутить только после слов Галины Петровны.

— Сфотографируй его.

— Он у Ольги.

— Хорошо. Тогда коробку.

— Она тоже у Ольги.

— Вера, у тебя после похода есть хоть что-нибудь?

— Чек.

— Береги. Судя по опыту, он ещё вернётся.

Настасья Петровна была рядом с Олесей и слышала разговор. Олеся включила громкую связь.

— По одному предмету версию не строй, — сказала Настасья Петровна. — Сначала узнай, чей он и где работал.

— Я и собиралась.

— А женщину надо было выслушать.

— Я ждала.

— Ждала не там.

Возразить было нечего. Я попрощалась и пошла домой.

У подъезда я открыла сумку, чтобы убрать чек. Под ним лежал синий брелок.

Я остановилась. Пакет Ольга заклеила при мне и убрала в ящик. Второго такого брелока в коробке я не видела. И всё же синий кругляш лежал на подкладке, потёртый с одного края, с тем же белым номером.

Я вытряхнула содержимое сумки на лавку и проверила внутренний карман. Подкладка была целой. Значит, брелок положила я сама, а память пропустила этот момент.

Рядом с брелоком я положила чек, сделала фотографию и отправила её Олесе. Написала, что теперь у меня есть хотя

бы вещь. Она назвала это прогрессом и велела не проверять брелоком все двери по дороге.

Настасья Петровна прислала следом короткое голосовое:
— В дом не вноси, пока номер не запишешь.

Номер я переписала в заметки. Последняя цифра была стёрта, поэтому на её месте поставила вопросительный знак.

Я взяла брелок. Двор жил обычной жизнью: свет в окнах горел, дверь придержал сосед с мусорным пакетом.

В ладони осталось чужое незавершённое намерение. Оно требовало одного — закончить предупреждение Галины Петровны: не отдавайте.

Утром меня разбудил звонок Ольги.

— Вера Сергеевна, вы вчера с Галиной Петровной разговаривали?

— Пыталась. А что случилось?

Ольга вдохнула и заговорила тише.

— Её ночью сбила машина. Возле комплекса. Насмерть.

Я села на кровати и посмотрела на стол. Синий брелок лежал рядом с чеком, там, куда я положила его вечером.

Глава 2. Записка без адресата

После звонка Ольги я ещё минуту сидела на кровати, держа телефон у уха. Разговор закончился, но слова Ольги ещё звучали у меня в голове.

Галину Петровну сбила машина возле жилого комплекса. Ночью. Насмерть.

На столе лежал синий брелок. Вчера он казался ошибкой выдачи, предметом из чужой коробки, который по недосмотру оказался у меня. Теперь я вспоминала, как Галина Петровна увидела его и сказала: «Эту коробку нельзя дальше».

Я умылась, оделась и убрала брелок в пакет с застёжкой. Настасья Петровна велела не вносить его в дом, но этот совет я уже нарушила. Исправить вчерашнее было нельзя, поэтому я хотя бы записала время звонка Ольги и положила рядом чек.

Олеся ответила сразу.

— Я еду туда, — сказала я.

— Подожди меня.

— Ты в деревне. За два часа там всё уберут.

Олеся помолчала.

— Ты собираешься искать улики под колёсами?

— Я расскажу полиции про разговор.

— Вот это уже похоже на действие взрослого человека.

Брелок не трогай голыми руками.

— Я вчера держала его в ладони.

— Тогда больше не улучшай положение.

На заднем плане Настасья Петровна спросила, почему я опять улучшила положение. Олеся не стала переводить.

У нового жилого комплекса стояла патрульная машина. Сервисный проезд за домом перекрыли лентой. За ней виднелась тёмная полоса на асфальте и дорожный конус возле бордюра.

Я подошла к сотруднику в форме и сказала, что вчера разговаривала с погибшей. Он записал мои данные и подвёл меня к мужчине в светлой рубашке. Тот стоял у служебного входа и просматривал записи в планшете.

— Следователь Кузьмин, — представился он. — Рассказывайте с самого начала и без предположений.

Я перечислила факты: вечером пришла за заказом, получила чужую коробку и нашла синий брелок. Уборщица назвала возврат неправильным, попросила сохранить предмет, ушла в подсобку и обещала вернуться через десять минут. После этого я её больше не видела.

— Точную фразу помните? — спросил Кузьмин.

— Она сказала: «Не отдавайте...» Дальше её перебили.

— Кому нельзя отдавать?

— Не знаю.

Он поднял глаза от планшета.

— А что вы знаете?

Я показала фотографию брелока и чек.

— Предмет у вас?

— Да. Ольга запечатала его в пакет и убрала в ящик. После закрытия я нашла брелок в своей сумке.

Кузьмин перестал печатать.

— Сами положили?

— Не помню.

— Сумку оставляли без присмотра?

— Нет.

— Камеры посмотрим. Пока считаем, что вы могли машинально его забрать.

Я достала пакет, не открывая застёжку. Следовательно осмотрел брелок через пластик, сфотографировал и вернул мне.

— Не выбрасывайте. Возможно, понадобится изъятие.

— Почему не забираете сейчас?

— Потому что пока это чужой электронный ключ из ошибочного заказа. Связь с ДТП не установлена.

— Она увидела его за несколько часов до гибели и испугалась.

— Испугалась — ваша оценка.

— Она побелела и пыталась поговорить без свидетелей.

— Это уже наблюдение. Так и говорите.

Машину пока искали. Камера над въездом поймала свет фар и край кузова; номер размыло. Галина Петровна вышла к сервисному проезду незадолго до полуночи. Причину её возвращения следователь ещё выяснял.

— Она могла искать меня.

— Могла. Или шла домой. Здесь нужен факт.

У ленты остановилась пожилая женщина с маленькой собакой. Она сообщила полицейскому о давнем требовании поставить ограничитель скорости. Через минуту выяснилось: сама она каждый вечер ходила через сервисный проезд, потому что так короче до магазина.

— Там машины летают, — сказала женщина. — Я всегда смотрю.

— Тогда почему ходите здесь?

— Потому что я смотрю.

Собака нырнула под ленту. Полицейскому пришлось спасать порядок вместе с поводком.

Кузьмин предложил показать, где я ждала Галину Петровну. У служебной двери стояла металлическая тележка с пустыми коробками. В нижней корзине лежали смятые пакеты.

— Вчера у неё была такая же, — сказала я. — С треснувшей синей ручкой.

На правом конце перекладины была трещина, стянутая прозрачным скотчем. Тележка стояла в трёх метрах от места наезда. Её могли выкатить утром, но Галина Петровна уходила из зала без ведра. Значит, позже она снова взяла тележку и вышла к проезду.

Из-под пакета торчал край плотной серой бумаги. Я не стала брать её и позвала следователя.

— Там написано.

Кузьмин надел перчатки, вытащил бумагу пинцетом и расправил на крышке тележки. Это оказался кусок карточки, согнутый пополам. От текста сохранилась середина строки:

«...не отдавать...»

Ни имени, ни адреса не было.

— Слова совпадают, — сказала я.

— Частично.

На обороте тянулась продавленная полоса, будто карточку прижали к ребристой поверхности. Я вспомнила продавленный бок коробки.

— У вчерашней коробки была такая же вмятина.

— Фотография есть?

Пришлось признаться, что я сняла только брелок.

— В пункте камеры. Там видно коробку.

— Проверим.

Он убрал карточку в пакет и подписал время. Я почувствовала облегчение оттого, что не сунула бумагу в карман. Раньше мне казалось, что улику надо спасти от чужого равнодушия. Опыт научил: после такого спасения приходится объяснять, почему на ней остались только твои отпечатки.

К нам подошёл мужчина в спортивных шортах. Он видел ночью тёмную машину, но марку не запомнил.

— Она быстро ехала? — спросил Кузьмин.

— Нормально. Тут все быстро ездят.

— Во сколько?

— После одиннадцати. Или раньше. Я футбол включал.

— Почему сразу не подошли?

Мужчина пожал плечами.

— Думал, обычное ДТП. У нас тут постоянно.

Он ушёл, довольный своим вкладом. Кузьмин записал номер квартиры и попросил сотрудника проверить камеры подъезда.

Я смотрела на пакет с запиской. Галина Петровна пыталась передать предупреждение и ночью пришла к сервисному проезду. Эти факты ещё не доказывали умысел, но обычной уборкой нельзя было объяснить её действия в последние часы.

Мы прошли от служебной двери до ленты. Путь занимал меньше минуты. Тележку приходилось вести по узкой полосе между стеной и припаркованными машинами; у бордюра одно колесо застряло в щели. Я дёрнула ручку, и тележка резко качнулась. Кузьмин остановил её ногой.

— Так бумага могла выпасть сама, — сказал он.

— Могла. Но сначала её надо было положить в корзину.

Возле стены сохранился след от грязного колеса. Он тянулся от двери и обрывался у места наезда. Это подтверждало только маршрут тележки. Галина Петровна могла вынести упаковку и случайно выйти под машину. Версия оставалась простой, почти удобной. Ей мешала одна деталь: женщина собиралась говорить со мной о брелоке, а в корзине лежала её недописанная записка с теми же словами.

ПВЗ открылся в девять. Ольга подняла рольставни напо-

ловину и замерла, увидев полицию.

— Я же вам позвонила, — сказала она мне.

— Поэтому я здесь.

Кузьмин показал удостоверение и попросил записи камер за вечер. Ольга впустила нас, но предупредила, что доступ к архиву предоставляет служба безопасности.

— Я могу показать только сегодняшний день.

— Тогда вызывайте того, кто может показать вчерашний.

Ольга села за компьютер и начала писать в поддержку. Её пальцы несколько раз промахнулись мимо клавиш.

Я посмотрела на контейнер проблемных товаров. В нём по-прежнему лежал один кроссовок. Пакета с брелоком не было.

— Вы утром проверяли ящик?

— Проверяла. Пакет пустой.

— Заклеенный?

— Да.

— А моя коробка?

— Её увезли ночным забором.

— Вчера вы сказали, что машина ушла.

— Была дополнительная. После закрытия.

Кузьмин попросил журнал отгрузки. Возле номера моей коробки стояло время 22:47 и статус «передано курьеру».

— Кто забирал?

— Артём. Он часто берёт вечерний маршрут.

— Подпись есть?

— Электронная отметка.

— Камера на входе должна его показать.

Ольга посмотрела на экран.

— Должна.

— Вчера вы видели, как Галина Петровна уходила? — спросил Кузьмин.

Ольга потёрла лоб.

— Я закрыла зал, она осталась с раковиной. Потом написала, что всё сделала.

— Сообщение сохранилось?

Ольга показала телефон. В 22:16 Галина Петровна отправила короткое: «Закончила. Ключ оставляю на месте». Дальше переписки не было.

— Какое место?

— Крючок в подсобке. Служебный ключ общий.

— Значит, после неё сюда мог зайти любой сотрудник с доступом?

— По правилам — только смена и курьер по заявке.

— А на деле?

Ольга опустила телефон.

— На деле курьеры иногда не ждут, пока я освобожусь. Берут мешки сами.

Кузьмин записал ответ. Ольга тут же добавила, что это нарушение, но не преступление. По тому, как быстро она провела границу, стало ясно: о нарушениях здесь знали давно и привыкли считать их частью рабочего дня.

Пока она переписывалась с поддержкой, я прошла вдоль стеллажей. Вчерашний заказ стоял в нижнем секторе справа. Теперь там лежала коробка с новой белой наклейкой. Размер совпадал. На боку темнела знакомая вмятина.

— Ольга, вы уверены, что её увезли?

— По журналу — да.

Я показала на коробку.

Она подошла и покачала головой.

— Это другая. Внутренний номер новый.

— А упаковка старая.

— Её используют повторно.

— За одну ночь она вернулась из машины и снова попала на стеллаж?

— Я сказала: это другая.

Кузьмин попросил не трогать коробку и сфотографировал её. Левый угол наклейки отходил. Под белой бумагой виднелась старая этикетка.

— Открывать можно? — спросил он.

Ольга побледнела.

— По регламенту нет. Заказ уже назначен получателю.

— Тогда свяжемся с владельцем.

— Из-за старой коробки?

— Из-за возможной связи с погибшей.

Ольга перестала спорить и снова позвонила в поддержку.

Я заглянула в служебный коридор. На стене висела камера, но нижний сектор с коробками закрывал высокий шкаф.

— Вчера контейнер с брелоком убрали туда? — спросила я.

— Я перенесла его в подсобку.

— Камера видит стол?

Ольга повернулась к коридору и промолчала.

Кузьмин прошёл внутрь. От камеры была видна дверь и половина прохода. Стол с проблемными возвратами оставался за стеллажом.

— Слепая зона, — сказал он.

— Мы просили переставить камеру. Нам ответили, что обзор соответствует проекту.

— Кто имел доступ сюда после закрытия?

— Я и уборщица. Курьер мог зайти за мешками.

— Заходил?

— Не знаю. Нужна запись.

Следователь попросил список сотрудников и контакты курьера. Я снова посмотрела на коробку. Она официально уехала, но стояла перед нами с новым номером. За несколько часов упаковка должна была попасть в машину, вернуться, получить другую наклейку и оказаться на том же стеллаже. Слишком много движений для вещи, которую никто не считал важной.

Получатель разрешил вскрытие. В коробке оказалась настольная лампа. Ольга показала комплектность и уже собиралась закрыть упаковку, когда Кузьмин попросил снять верхнюю наклейку.

Под ней сохранилась вчерашняя этикетка с моим номером заказа.

Ольга села на банкетку.

— Этого не может быть.

— Однако есть, — сказал Кузьмин.

— Я оформила возврат. Он ушёл.

— Значит, выясним, что именно ушло.

Она закрыла лицо ладонями, потом резко встала.

— Теперь недостачу повесят на меня. У нас и так проверка.

— Какая недостача? — спросила я.

Ольга посмотрела на следователя и замолчала.

— Вернёмся к этому вопросу, — сказал Кузьмин.

Мне велели оставить коробку и не обсуждать находку с жильцами. Последние слова следователь произнёс особенно чётко.

— Я журналист, а не громкоговоритель.

— Тогда сначала проверяйте, потом говорите.

Фраза задела, потому что была справедливой.

Дома я разложила на столе чек, пакет с брелоком и блокнот. Записала время своего прихода в ПВЗ, слова Галины Петровны и момент, когда увидела брелок в сумке. Отдельно отметила тележку у сервисного проезда, фрагмент карточки и коробку с двумя номерами.

Олеся позвонила, когда я дошла до строки про слепую зону.

— Мы выехали, — сказала она. — Настасья Петровна взяла пироги.

— Зачем?

— Она считает, что полиция охотнее разговаривает после еды.

На заднем плане Настасья Петровна возразила: пироги предназначены мне, потому что на одном чувстве вины человек долго не продержится.

— Я упустила Галину Петровну, — сказала я.

— Ты не знала, что она погибнет, — ответила Олеся.

— Она просила подождать.

— Ты ждала.

Настасья Петровна забрала телефон.

— Вера, перестань назначать себя причиной чужого преступления. Скажи, что у тебя проверено.

Я прочитала записи. Она выслушала, не перебивая.

— Про брелок пока никому не пиши. И про коробку тоже. Сначала узнай, что он открывает.

— Полиция знает.

— Вот и достаточно.

Олеся добавила: домовый чат уже кипел. Жильцы обсуждали Галину Петровну и заодно сообщали о собственных нарушениях. Один мужчина признался в объезде шлагбаума через сервисный проезд. Другая женщина ругала чужую парковку, а затем написала, где сама оставляет машину на тротуаре.

— Люди сами дают показания, лишь бы доказать чужую вину, — сказала Олеся. — Я сохранила сообщения.

Я открыла чат жилого комплекса. Среди разговоров о наезде мелькнула жалоба жильца из третьего подъезда. Он писал, что управляющая компания снова скрывает проблемы с доступом: за месяц в доме произошло две квартирные кражи без следов взлома.

Я вернулась к синему брелочку. Через пакет был виден белый номер. Часть цифр закрасили чёрным маркером, но краска стёрлась возле края. Я включила лампу и повернула брелок боком.

Под чёрной полосой проступали буква и четыре цифры. Такой формат я уже видела на старых домовых метках, которые выдавали до перехода на новую систему.

Я отправила Кузьмину фотографию и ссылку на сообщения о кражах. Потом записала рядом с номером брелока: «Старая домовая метка. Проверить серию и адрес».

Синий брелок открывал дверь, а в доме уже входили в квартиры без взлома.

Глава 3. Человек от страховщика

После обеда Кузьмин прислал адрес квартиры, которую обокрали неделю назад. Хозяйка согласилась поговорить, но следователь добавил отдельной строкой: «Ничего не трогать». Последние слова были набраны заглавными буквами. Кузьмин уже считал, что мне полезно напоминать разницу между разговором и обыском.

К двум часам Олеся и Настасья Петровна добрались до меня. Старшая из нас положила пакет с брелоком на блюдце у двери и осталась ждать Кузьмина, а Олеся занялась домовым чатом. В квартиру потерпевших я пошла одна: лишняя компания могла закрыть разговор быстрее любого замка.

Нужный адрес находился в третьем подъезде того же жилого комплекса. Я взяла только блокнот. Олеся требовала не носить чужой ключ по городу, пока мы не выясним, что он открывает.

Перед выходом я сообщила Кузьмину, что брелок остаётся дома. Он велел не прикладывать метку к считывателям и дожидаться изъятия.

В холле пахло новой краской. За стойкой консьержки женщина в сиреневой кофте разгадывала кроссворд. Имя она проверила по телефону, данные паспорта переписала и предупредила о специалисте от страховщика. С утра он запрещал хозяевам прикасаться к собственному замку и этим

уже настроил против себя половину подъезда.

— Им особенно нельзя, — пояснила консьержка. — Они свои вещи знают и потому всё хотят показать руками.

Дверь квартиры была открыта. В прихожей возле коробки с бахилами стоял мужчина в серой рубашке. Он держал планшет и смотрел на электронный замок так внимательно, будто тот обещал дать показания, но передумал.

— Вы из полиции? — спросил он.

— Вера Сергеевна, журналист. Хозяйка разрешила осмотреть квартиру.

— Поговорить разрешила. Осмотр уже идёт.

Он представился Антоном Ланским, специалистом по технической реконструкции страховых случаев. Должность произнёс без запинки. На вид ему было около тридцати пяти, а рукава он закатал одинаково, будто проверил линейкой.

Я спросила, ищет ли он основание для отказа в выплате. Ланской ответил, что восстанавливает способ доступа, а решение принимают другие. Потом велел не трогать дверную ручку, хотя моя рука находилась возле блокнота.

— Вы заранее всем запрещаете? — уточнила я.

— Хозяин трижды открыл дверь для наглядности. Теперь приходится.

Из комнаты вышла Ирина Викторовна. Мы переписывались утром в домовом чате. За неделю она успела рассказать о краже всем службам, но каждая начинала с тех же вопросов.

Она провела меня в спальню. Следов взлома на двери не было. Украшения исчезли из комода, деньги — из конверта под бельём. Больше ничего не взяли. Значит, вор знал, что искать.

Ирина Викторовна показала журнал в приложении. В 10:12 замок перешёл в режим охраны. Вечером она открыла его своим телефоном. Между этими событиями экран не показывал ни одного входа.

— Поэтому управляющая компания решила, что мы сами оставили дверь открытой, — сказала она. — Им так удобнее.

Ланской поправил: пользовательский журнал не равен полной истории контроллера. Хозяйка посмотрела на телефон с новым недоверием.

— Мне продавали умный замок. Про то, что он умнее меня и скрывает половину жизни, никто не говорил.

Я спросила, кому были известны коды. Ирина Викторовна сначала ответила: никому. Муж выглянул из кухни и напомнил о временном коде для курьера. Потом нашла соседку, поливавшая цветы во время весенней поездки хозяев. Мастеру по кондиционерам код продиктовали при открытой двери, пока муж держал стремянку.

С каждым признанием лицо Ирины Викторовны становилось строже. Ланской попросил мужа написать временный код. Тот прикрыл ладонью. Специалист сравнил цифры с датой рождения Ирины Викторовны и вернул бумагу.

— Вы выбрали день и месяц рождения супруги?

— Так проще запомнить.

— Курьеру тоже было проще.

— Код считался временным.

— Он становится временным после отключения.

Ирина Викторовна забрала листок и порвала его пополам. Муж хотел заметить, что четыре цифры всё равно уже знают все присутствующие, но передумал.

— Вы ещё всему подъезду расскажите, — сказала она мужу.

— Нас спрашивают, я отвечаю.

— Страховщик только этого и ждёт.

Ланской отметил сведения в планшете и объяснил, что небрежность могла привести к утечке кода, но не объясняла отсутствие записи о входе. Эта фраза не подходила человеку, которого я уже назначила охотником за отказом. Пришлось немного отложить раздражение.

Он попросил Ирину Викторовну открыть список устройств, привязанных к замку. Телефон она из рук не выпустила. В журнале были только её действия и возвращение мужа. Сервисные события в приложении не отображались.

Под корпусом замка Ланской показал наклейку с номером устройства и знаком подрядчика. Формат номера напоминал надпись на синем брелоке. Я наклонилась ближе, но он закрыл этикетку ладонью.

— Фотографировать нельзя.

— Телефон у меня в сумке.

— Вы смотрите так, будто уже выбрали заголовок.

— Сначала факты. Заголовок позже.

Для проверки требовался полный журнал контроллера. Он хранился у подрядчика, а запрос должна была подтвердить управляющая компания. Ирина Викторовна услышала это и ушла звонить председателю совета дома. Ланской попросил её не предупреждать людей раньше официального запроса. Хозяйка ответила, что её уже неделю предупреждают быть терпеливой, и закрыла за собой кухонную дверь.

Мы остались в прихожей. Я спросила, почему он мешает жильцам добиваться сведений. Ланской ответил, что не хочет заранее сообщать о проверке тем, чьи действия ещё предстоит восстановить.

— Управляющая компания не подозреваемая.

— Я пока никого так не называю.

— Удобная позиция.

— Рабочая.

Он присел возле коврика. Серый прямоугольник лежал немного криво, а у края виднелась светлая пыль. После кражи хозяйка мыла пол, но коврик не поднимала. Ланской достал прозрачную полоску для образца. Я опустилась рядом, не касаясь резины.

В пыли были короткие бумажные волокна. Похожая грязь оставалась на коробке из ПВХ, однако дом ещё доделывали, и картонная крошка могла попасть сюда с упаковкой мебели. Я сказала об этом Ланскому. Он прижал полоску к коврику,

наклеил её на карточку и подписал место.

— Отойдите немного. Вы дышите на образец.

— У вас вся работа строится на запретах.

— На сохранении того, что остальные почти уничтожили.

Я рассказала о возвратной коробке. Упомянула предупреждение Галины, найденный фрагмент записки и упаковку, которая после отметки об отправке снова оказалась в ПВЗ. О том, что синий брелок лежит у меня, промолчала. Кузьмин просил не обсуждать предмет до официального изъятия.

Ланской выслушал без замечаний, но спросил название пункта и время появления коробки. Оба ответа он записал.

Он попросил показать снимок брелока и мои записи о коробке. Фотографию метки увеличил, а сведения о вмятине и приподнятом угле этикетки переписал в планшет.

— Сам брелок полиция изъяла?

— Следователь знает о нём.

— Я спросил другое.

— А я ответила в пределах того, что могу сообщить.

Он посмотрел на меня внимательнее, однако спорить не стал. Я поняла, что получила от него тот самый ответ, который несколько минут назад считала удобной уловкой.

Затем Ланской показал на стену слева от входной двери. За ней находились встроенные помещения первого этажа.

— ПВЗ расположен не просто рядом, — сказал он. — У него общий сервисный контур с домом.

— Тогда пыль могла попасть сюда оттуда?

— Могла. Сначала надо восстановить путь.

Его привычка отвечать только в пределах доказанного раздражала. Ещё сильнее раздражало то, что именно этого я требовала от других.

Ирина Викторовна вернулась сердитой. Председатель обещал запросить журнал, но попросил не поднимать панику в домовом чате. По словам хозяйки, паникой в этом доме назывался любой вопрос, на который управляющая компания не подготовила ответ.

Я спросила о других кражах. Ирина Викторовна знала ещё две. Из одной квартиры пропали деньги, из другой — часы и ноутбук. Следов взлома не нашли. Обе семьи уезжали, а сведения об их отсутствии были у консьержки: одни просили принимать доставки, другие оставили телефон родственника на случай протечки.

Фотография синего брелока показалась хозяйке знакомой. До замены системы такие метки выдавали жильцам. На корпус наносили букву подъезда и четыре цифры. Муж Ирины Викторовны принёс связку старых ключей. Среди них нашлась синяя метка с тем же форматом номера.

Ланской проверил её на квартирном замке. Дверь не открылась. В холле подъезда метка сработала сразу: считыватель мигнул зелёным, турникет разблокировался.

Консьержка оставила кроссворд и подошла к нам. Она была уверена, что все старые метки отключили. Ланской попросил открыть журнал входов. Строка с номером появилась в

программе, поэтому женщина заметно успокоилась. Для неё система снова стала исправной, а наша проверка — лишним волнением.

— Это парадный вход, — сказал Ланской. — Теперь нужна сервисная дверь.

Спокойствие консьержки закончилось. В технический коридор жильцов не пускали. Служебная метка хранилась в её ящике, сменщик обедал, а покидать пост она не собиралась. Ирина Викторовна снова потянулась за телефоном, и женщина решила, что короткая прогулка безопаснее нового звонка председателю.

Сервисная дверь находилась за лифтовым холлом. Снаружи на ней был только считыватель. Консьержка открыла замок своей меткой, и мы вошли в узкий коридор. Под потолком шли кабельные короба. Справа находились двери технических помещений, слева стена отделяла дом от магазинов и ПВЗ.

Ланской предложил проверить старую метку мужа Ирины Викторовны. Консьержка прижала служебный брелок к груди и отказалась участвовать. Если старая метка сработает, объяснила она, отвечать заставят того, кто открыл нам дверь.

— Проблема существует, пока о ней не знают, — сказала женщина. — Когда узнают, появляется виноватый.

Спорить с такой логикой безопасности было трудно. Мы вернулись в лифтовый холл. Ирина Викторовна настояла на проверке и сама приложила старую метку. Красный огонёк

сменился зелёным. Сервисная дверь открылась без предупреждения.

Мы вернулись к стойке и посмотрели программу. Вместо сервисного прохода журнал показал обычный вход в подъезд. Пользовательская история квартиры не изменилась. Значит, человек мог пройти через техническую дверь, а доступ выглядел как рядовое пересечение турникета.

Я сказала, что система показывает не ту дверь. Ланской уточнил: пока подтверждена только ошибка отображения. Старая метка давала доступ в коридор, но до квартиры оставались ещё две преграды. Он был прав, и это раздражало.

Ланской проверил оставшуюся часть пути. Тяжёлая дверь в лестничный холл открывалась изнутри нажатием на перекладину. Доводчик не вернул её на место: полотно остановилось у рамы.

У порога застрял сложенный кусок картона. Консьержка вытащила его носком туфли и сказала, что рабочие постоянно подпирают дверь, когда носят материалы. Ланской убрал картон в пакет и снова отпустил полотно. Теперь замок защёлкнулся.

— Значит, через неё проходили без метки, — сказала я.

— Значит, сегодня она не закрывалась. Надо установить, когда положили картон.

Лестница выводила в жилой холл. В лифте со старым брелоком мужа Ирины Викторовны можно было выбрать только его этаж. Для другой квартиры требовалась иная метка либо

сервисный доступ.

Ирина Викторовна потребовала объяснить, почему дом с камерами оставляет обходные пути. Консьержка ответила, что жильцы не должны сами проверять систему.

— Очень удобно, — сказала хозяйка. — Особенно для человека, который вошёл без записи.

Ланской попросил дождаться полного журнала. Однако старая метка открывала сервисную дверь, а неплотно закрытая створка выводила к лестнице. Оставалось понять, чем открывали этаж и квартиру.

Мы снова прошли за лифты. У первой технической двери пыль лежала нетронутой. Возле второй тянулась светлая полоса, а у порога застряло картонное волокно. На резиновой накладке у стены остался прямоугольный след от края коробки.

Ланской взял ещё один образец и измерил ширину следа. Сравнить её с коробкой можно было только в ПВЗ, поэтому в планшете появилась новая строка, а вывод он оставил при себе.

Дальше должна была находиться дверь в подсобку ПВЗ. На плане проход заканчивался техническим шкафом, за которым была глухая стена. Вход в пункт выдачи значился только со двора.

Мы дошли до шкафа. Кабель под потолком уходил влево и опускался за металлической стенкой. Я остановилась раньше, чем успела понять причину. До этого путь склады-

вался просто: сервисная дверь, коробка у порога, коридор. Здесь движение обрывалось, хотя ощущение неправильного возврата тянуло дальше, в соседнее помещение.

Голоса не было. Синий брелок лежал дома. И всё же место удерживало то же незавершённое намерение: предмет принесли сюда, но не вернули туда, куда собирались.

Ланской прошёл ещё шаг и тоже остановился. Он не смотрел на меня. Сначала проверил план, затем проследил кабель до стены.

— За шкафом есть соединение, — сказал он.

— На плане его нет.

— На этом плане нет.

Я спросила, почему он остановился именно здесь. Ланской помедлил. Кабель уходил к ПВЗ, а следы коробок обрывались у стены.

Мы вместе отодвинули шкаф на несколько сантиметров. За ним показался узкий кабельный канал. Рядом проступал край старого дверного наличника, покрашенного в цвет стены. Щель была забита пылью, но у пола виднелся свежий прямоугольный скол: краску сбили краем коробки.

— Здесь был проход, — сказала я.

Ланской провёл пальцем вдоль наличника и смахнул краску с ногтя. Потом посмотрел на схему.

— Или он есть до сих пор.

— По вашему плану коридор заканчивается здесь.

Он ещё раз сверил стену, кабель и след от коробки. План

на экране не совпадал с тем, что находилось перед нами.

— Маршрут не заканчивается у стены, хотя по плану должен.

Глава 4. Дом, который всем открывает

На следующее утро мой стол напоминал маленькое следственное бюро без лицензии и мебели. Рядом с блокнотом лежали распечатки из домового чата. Синий брелок Настасья Петровна убрала в стеклянную банку с винтовой крышкой и поставила на подоконник у входной двери.

— Банка от огурцов, — сказала Олеся. — Улика должна знать, что жизнь продолжается.

— Банка чистая, — ответила Настасья Петровна. — А брелок пока пусть лежит отдельно.

За ночь брелок остался на месте и сохранил обычную температуру. Потёртый пластик с частично закрасленным номером за пределами ПВЗ и дверей казался обычной вещью.

Кузьмин обещал прислать сотрудника для изъятия, но утром позвонил и сообщил, что сначала оформят постановление. До этого момента брелок следовало хранить, не проверять и не показывать жильцам. Последнее требование он повторил.

Мы распределили работу. Я собиралась восстановить даты краж и визитов подрядчиков. Олеся взяла на себя разговоры с жильцами. Настасья Петровна попросила принести ей фотографии всех дверей, которые считались закрытыми.

— Зачем вам фотографии? — спросила я.

— Посмотрю, где дверь, а где одно название.

— Электронный замок по фотографии не проверишь.

— А щель под ним проверишь. И доводчик увидишь. Люди ставят умную ручку на дверь, которая закрывается после третьего толчка, потом удивляются.

Олеся открыла домовой чат жилого комплекса. За ночь там появилось больше трёхсот сообщений. Жильцы требовали усилить охрану, наказать водителей и немедленно заменить все замки. Между этими требованиями они сообщали, у кого хранят запасные ключи и кто принимает посылки во время отпусков.

— Вот женщина из второго подъезда пишет, что её код знают только дочь, соседка и два курьера, — сказала Олеся. — То есть почти семейный круг.

— Не смейся, — напомнила Настасья Петровна. — Сначала узнай, почему она им дала код.

— Я не смеюсь. Я считаю родственников.

К десяти мы пришли в жилой комплекс. Ланской уже отправил Кузьмину снимки старого дверного проёма за техническим шкафом. Управляющая компания обещала прислать актуальный план, но пока считала стену стеной и просила не двигать мебель без согласования.

Во дворе жильцы обсуждали новый шлагбаум. Один мужчина предлагал закрыть сервисный проезд бетонным блоком, а для мусоровоза отодвигать его вручную. Доброволь-

цев не нашлось.

Олеся начала с женщины, которая оставляла в чате особенно подробные советы по безопасности. Через пять минут выяснилось, что её запасной ключ лежал под цветочным горшком в общем коридоре.

— Там камера, — объяснила женщина.

— Значит, ключ охраняет видеозапись, — сказала Олеся.

— А если камера не работает?

— Тогда управляющая компания отвечает.

Женщина показала горшок и попросила не писать номер квартиры. Олеся записала данные отдельно: нам были нужны привычки, а не повод выставить людей глупыми.

Настасья Петровна осматривала двери. Возле одного подъезда она попросила жильца открыть створку и отпустить. Доводчик подтянул её почти к раме, после чего замок остался в сантиметре от ответной части.

— У нас так с весны, — сообщил жилец. — Надо сильнее хлопать.

— Все хлопают?

— Кто знает, тот хлопает.

— А кто не знает?

— Тот потом жалуется.

Настасья Петровна сфотографировала щель и перешла к следующему входу. Через полчаса мы нашли три уязвимости: перекошенную резинку, подпёртый коробкой служебный выход и старые метки, которые открывали общий холл.

Эти способы не объясняли кражи из квартир, но дом уже не казался закрытой системой. Каждое временное исключение сохранялось здесь годами.

Консьержку звали Лада Горина. Вчера она не успела поговорить с нами: после проверки старой метки её вызвали в управляющую компанию. Сегодня Лада сидела за стойкой с видом человека, вернувшегося с допроса под названием «рабочее совещание».

Перед ней лежал журнал. Рядом стояла корзина с небольшими пакетами. На каждом фломастером был написан номер квартиры.

— Это всё сегодняшние? — спросила Олеся.

— Люди на работе. Я принимаю.

— По документам?

— По договорённости.

Лада сразу предупредила, что без неё подъезд утонет в доставках. Курьеры оставляли пакеты у дверей, жильцы жаловались, а потом всё равно просили её помочь. Она держала ключи от кладовых, принимала мастеров и сообщала владельцам, если в квартире срабатывал датчик протечки.

— Вы знаете, кто сейчас в отпуске? — спросила Олеся.

— Конечно. Иначе как я буду следить?

— А где это записано?

Лада показала журнал. В отдельной колонке стояли даты отсутствия и телефоны родственников. У некоторых квартир были пометки: «цветы», «кошка», «посылки сюда». Записи

делались разными ручками, но почерк был один.

— Жильцы сами просили, — сказала Лада. — Я никого не отслеживаю.

— Кто ещё видит журнал?

— Сменщик. Иногда управляющая.

— Подрядчики?

— Им зачем?

Я посмотрела на край стола. Рядом с журналом лежала папка заявок. В ней были записи о неполадках домофона и электронных замков. Лада неохотно разрешила пролистать папку, но только при ней.

Первая заявка касалась квартиры Ирины Викторовны. За две недели до кражи мастер обновлял прошивку замка. Хозяева второй обворованной квартиры вызывали специалиста из-за разряжавшейся панели. Третья меняла считыватель после того, как брелок жильца перестал срабатывать.

— Одна фирма? — спросила я.

Лада пожала плечами.

— У дома договор. Конечно, одна.

Во всех актах стояло название подрядчика «Контур-доступ». Работы принимали жильцы или Лада. В графе исполнителя повторялась фамилия Бортник. Иногда рядом была подпись другого мастера, но заявка всё равно проходила через Игоря Бортника как ответственного специалиста.

Олеся попросила Ладy объяснить визит мастера. Консьержка успокоилась: специалист получал служебную метку

и после ремонта возвращал её. При срочной заявке брелок оставляли в запечатанном конверте для вечернего выезда.

— Где лежит конверт? — спросила Настасья Петровна.

Лада показала верхний ящик. Внутри находились три белых конверта и связка механических ключей. На одном было написано: «Сервис. Подъезды 1–3».

— Ящик запирается?

— Да.

— Ключ где?

Лада достала его из чашки с ручками.

— Так быстрее.

Настасья Петровна посмотрела на чашку, затем на ящик.

— Теперь понятно, почему быстрее.

Лада захлопнула ящик.

— У нас не режимный объект.

— Квартиры режимными становятся, когда из них пропадает чужое, — сказала Настасья Петровна.

Разговор сразу изменился. Лада выпрямилась и спросила, подозреваем ли мы её. Я ответила, что проверяем, откуда можно узнать об отсутствии жильцов и получить служебный доступ.

— То есть подозреваете, — сказала она. — Я всем помогаю, а теперь выходит, сама виновата.

Олеся придвинула к ней журнал.

— Вы знаете дом лучше большинства жильцов. Поэтому нам нужны ваши записи. Но ключ в чашке — плохая идея

независимо от краж.

— Его никто не берёт.

— Вы проверяете чашку после каждого посетителя?

Лада замолчала. Потом забрала ключ и положила в карман кофты.

Мы попросили копии актов по трём квартирам. Лада позвонила управляющей, но получила отказ. Документы содержали персональные данные, а мы не представляли официальную проверку. Пришлось звонить Кузьмину. Он обещал запросить акты сам, а до этого разрешил сфотографировать только даты и номера заявок с согласия потерпевших.

Ирина Викторовна согласилась сразу. Владелец второй квартиры ответил через домовой чат и добавил, что готов показать всё, лишь бы управляющая перестала намекать на его забывчивость. Третья хозяйка была в отъезде, но прислала снимок своего экземпляра акта.

Мы сели на банкетке в холле и свели даты. Первая кража произошла через девять дней после обслуживания замка. Вторая — через пять. У Ирины Викторовны прошло две недели. Во всех случаях хозяева уезжали, а Лада заранее знала даты.

— Значит, Бортник видел журнал, — сказала я.

— Пока мы знаем, что он бывал у стойки, — поправила Олеся. — Видел ли записи, ещё надо спросить.

Лада услышала фамилию и снова подошла.

— Игорь Александрович тут при чём? Он один нормаль-

но работает. Остальные приезжают, фотографируют дверь и уезжают за деталями.

— Он заходил за стойку? — спросила я.

— Когда проверял панель. Там кабель идёт под столом.

— Журнал лежал здесь?

— Он всегда здесь.

Лада поняла, что сказала, и закрыла журнал ладонью.

Один из жильцов подошёл за посылкой. Лада потребовала код. Мужчина назвал номер квартиры и сказал, что код жена прислала ей вчера.

— Мне не прислала, — ответила Лада.

— Она вам всегда без кода отдаёт.

— Сегодня не всегда.

Мужчина возмутился, позвонил жене и поставил телефон на громкую связь. Через минуту весь холл узнал, где семья хранит документы от квартиры и почему жена не доверяет мужу забирать заказы. Олеся мягко попросила выключить громкую связь. Лада получила код, но настроение у неё стало ещё хуже.

— Вот так каждый день, — сказала она. — А потом вы приходите и спрашиваете, почему я всё записываю.

В её словах была правда. Дом привык пользоваться одним человеком вместо системы. Лада вручную сводила этот беспорядок в рабочую схему.

После обеда мы поднялись во вторую обворованную квартиру. Хозяин, Павел Андреевич, показывал дверь и одновременно

менно доказывал, что соблюдал все правила. Временный код он никому не давал, зато оставлял сервисную метку мастеру на сутки, потому что ремонт затянулся.

— Он вернул её в конверте, — сказал Павел Андреевич.
— Я сам забрал у Лады.

— Метку после этого отключили? — спросила я.

— В акте написано.

Он нашёл документ. Внизу действительно стояла строка: «Сервисный доступ деактивирован». Время — 18:40, за три дня до отъезда семьи.

Ланской прислал сообщение: полный журнал по этой квартире уже получили от страховщика. В ночь кражи сервисный контроллер зарегистрировал вход метки с тем же номером. В пользовательском приложении событие не появилось.

Я перечитала строку дважды.

— Метка открыла дверь после деактивации, — сказала Олеся.

Павел Андреевич забрал телефон и посмотрел на сообщение.

— Значит, они соврали в акте?

— Либо отключили не там, либо запись восстановили позже, — ответила я. — Нужна техническая проверка.

Он уже набирал управляющую компанию. Олеся остановила его.

— Сначала сделайте снимок акта и отправьте Кузьмину.

Не предупреждайте подрядчика раньше времени.

Павел Андреевич не хотел молчать. Он считал, что имеет право немедленно потребовать объяснений. Но звонок мог дать время исправить журналы. После спора хозяин согласился подождать час.

На улице Настасья Петровна разложила фотографии дверей на скамейке. Она выбрала снимок служебного выхода, который подпирали коробкой.

— Тут проход руками сделали, — сказала она. — А в квартирах доступ числом. Но привычка одна: дверь считают закрытой, потому что так написано.

Мы вернулись ко мне под вечер. Олеся занесла данные в таблицу. Я отдельно выписала визиты подрядчика. Совпадение ничего не доказывало: фирма работала почти во всех квартирах с электронными замками.

Нужно было понять, знали ли мастера об отпусках. У Бортника были заявки, номера устройств и доступ к сервисным меткам. Даты отсутствия лежали в журнале Лады. При каждом визите он мог увидеть записи, но свидетельства пока не было.

Я позвонила в «Контур-доступ». Диспетчер соединила меня с Игорем Бортником после третьего объяснения, почему журналист спрашивает о старой сервисной метке. Он говорил спокойно и не пытался закончить разговор.

— Сервисный доступ отключается в контроллере, — объяснил он. — Отметка в акте означает, что мастер отправил

команду и получил подтверждение.

— Может ли метка сработать после этого?

— При штатной работе — нет.

— А при нештатной?

— Если контроллер не синхронизировался, событие могло пройти по локальному списку. Поэтому проверяют журнал и версию прошивки.

— Вы обслуживали квартиру Павла Андреевича?

Возникла короткая пауза.

— Я отвечаю за объект. Конкретный выезд надо смотреть по заявке.

— В акте ваша фамилия.

— Тогда, вероятно, выезжал я.

Он не отрицал, что видел журнал консьержки. По его словам, записи лежали на стойке открыто, но подрядчик не обязан следить за тем, как управляющая компания хранит сведения жильцов.

— Люди сами раздают коды, оставляют двери на картоне и передают метки курьерам, — сказал Бортник. — Потом любое событие объявляют взломом системы.

— В трёх квартирах не было обычной записи о входе.

— Значит, надо смотреть сервисный контур. Вы уже это знаете, раз звоните мне.

Он спросил, кто сообщил о метке после деактивации. Я назвала только номер акта. Бортник обещал поднять архив и прислать техническое пояснение управляющей компании.

— До проверки журналов ничего не меняйте, — сказала я.

— Я и не могу менять журнал без заявки.

Проверить этот ответ по телефону было невозможно.

После разговора я отправила Кузьмину фамилию подрядчика и реквизиты акта. Ланскому переслала время деактивации. Он ответил почти сразу: резервный контроллер сохранил запись о входе в 02:14. Номер совпадал с сервисной меткой, которую по документам отключили тремя днями раньше.

Олеся посмотрела на экран.

— Теперь дом открывает не доброта Лады.

— И не один забытый код, — сказала я.

Настасья Петровна закрыла банку с брелоком салфеткой, чтобы на неё не падал вечерний свет. Потом проверила, заперта ли входная дверь. Замок щёлкнул с первого раза.

На моём столе лежали три акта одной фирмы. В двух стояла фамилия Бортника, в третьем он значился ответственным за объект. Последняя строка журнала фиксировала: деактивированная сервисная метка продолжала открывать дверь.

Глава 5. Проверка, которой не было

К вечеру в пункте выдачи начинался час, когда весь дом одновременно вспоминал о заказах. Перед стойкой стояло семь человек. Ольга Шипулина принимала кофемолку, которая, по словам владельца, молола только его терпение.

Мы пришли втроём. Я держала блокнот, Олеся — телефон. Настасья Петровна взяла матерчатую сумку: с пустыми руками, по её мнению, задавать вопросы было подозрительно.

Ольга увидела нас и перестала печатать. Она напонила, что всё передала полиции, а неопределённых возвратов у них не бывает.

В этот момент мужчина у стойки поднял кофемолку и спросил, к какой категории относится его прибор. Ольга объяснила порядок: сначала — экспертиза. Владелец возразил, что кофемолка не сломана, а лишь плохо работает. Система не знала, считать кофемолку исправной или сломанной.

Мужчина заметил мой блокнот и решил, что я из проверки. Женщина в очереди тут же вспомнила две левые босоножки, а молодой человек — посылку у чужого подъезда. Ещё одна посетительница призналась, что трижды возвращала платье после семейных праздников, но качество вещи

здесь ни при чём.

— Я не ревизор, — сказала я.

Очередь восприняла это как попытку сохранить тайну. Владелец кофемолки доверительно попросил записать, что коробку открыл дома, прибор не разбирал, а винт поцарапался сам. Моё объяснение, что я не работаю на магазин, он встретил понимающим кивком. Ольга закрыла глаза и попросила всех соблюдать очередь.

Я отошла к стене, а посетители один за другим начали сообщать лишнее. Женщина с босоножками призналась, что перепутала коробки. Молодой человек передал курьеру код, а молчаливый мужчина у примерочной забирал заказы жены по фотографии её паспорта.

Олеся встала рядом и посоветовала не спорить: посетители сами составляли акт своих нарушений. Я заметила, что не нуждаюсь в этих признаниях, но её это не удивило. Каждый спешил первым объяснить свою часть нарушения.

Настасья Петровна тем временем рассматривала дверь в подсобку. Посетители проходили мимо неё, не замечая. Она дождалась, когда Ольга отвернулась к принтеру, и показала нам на технического работника в синей футболке. Мужчина принёс мешок возвратов, открыл служебную дверь своей меткой и исчез за стеллажом. Камера над коридором снимала проход, но угол у задней стены оставался вне обзора. Запись подтверждала лишь, что сотрудник вошёл в подсобку. Что он делал у принтера и с какой коробкой вышел, остава-

лось за пределами кадра.

— Вчера там стоял шкаф, — сказала я.

— И сегодня стоит, — ответила Настасья Петровна. — Только проход за ним шире, чем кажется из зала.

— Вы туда не ходите, — предупредила Ольга, услышав нас. — Подсобка для сотрудников.

— Мы и не ходим, — сказала Олеся. — Мы смотрим, кто ходит.

Ольга провела сканером по кофемолке. Компьютер выдал ошибку, и мужчина сразу посмотрел на мой блокнот. Я закрыла его, чем убедила посетителя ещё сильнее.

Он спросил, не связана ли проверка с недостатчей. Ольга потребовала объяснить, откуда он о ней знает. Мужчина предложил спросить у проверяющей, а её возражение объявил обычным поведением ревизора. Очередь загудела.

Ольга объявила технический перерыв на две минуты и опустила экран кассы. Потом вышла из-за стойки и отвела нас к примерочной.

Ольга спросила, понимаем ли мы, что делаем: ещё час — и клиенты напишут о тайной ревизии. Олеся напомнила, что мы ничего подобного не говорили. Ольга поглядывала на нас с подозрением: я записывала, Олеся следила за посетителями, а Настасья Петровна изучала двери.

— Как три женщины в пункте выдачи, — сказала Настасья Петровна.

Ольга не нашла возражения.

Я объяснила, что нам нужна история возвратной коробки с двумя наклейками. В журнале она получила один номер, затем оказалась на стеллаже с другим. Полицейский запрос уже направили, однако сведения могли исчезнуть раньше, чем придёт официальный ответ.

— Ничего не исчезнет, — сказала Ольга. — Журнал хранится в системе.

— В системе уже появилась отметка об отправке коробки, которая никуда не уехала.

— Это мог быть сбой.

— Тогда надо понять, где он возник.

— А если вы решите, что сбой — это я?

— Тогда я проверю время, подпись и камеру, — сказала я. — Решение без проверки мне не нужно.

На минуту она успокоилась. Потом из зала позвали: кофемолка снова оказалась неисправной, но теперь уже в руках другого клиента. Ольга вернулась к стойке и велела нам не заходить в подсобку без неё.

Мы остались возле примерочной. Олеся открыла заметки и быстро записала, что рассказали посетители. Имена она не брала. Ей были нужны способы обхода правил: чужой паспорт на фотографии, код через соседку, возврат после использования. Эти признания показывали, насколько легко любая упаковка получала новую историю.

— Здесь каждый уверен, что его случай особый, — сказала я.

— Потому что свой случай человек знает изнутри, — ответила Олеся. — Чужой видит как нарушение.

Настасья Петровна снова посмотрела на служебную дверь.

— Работник вернулся без мешка.

— Он мог поставить его на склад.

— Мог. Только вышел не оттуда, куда вошёл.

За стеллажом имелся ещё один проход. Мужчина появился ближе к задней стене, хотя дверь подсобки находилась справа. На его футболке белела пыль, а в руке была пустая катушка этикеток.

Я подошла к Ольге и спросила, где меняют внутренние номера коробок.

— На приёмном столе.

— А пустые этикетки где хранят?

— В подсобке.

— Там два выхода?

— Один.

Настасья Петровна кивнула в сторону технического работника.

— Он вошёл справа, вышел слева.

— Там обход вокруг стеллажа. Это не выход.

— Камера его видит?

— Частично.

— А стол для переклейки?

Ольга не ответила. Кофемолка снова потребовала внимания, и разговор пришлось отложить.

Олеся предложила помочь женщине, которая никак не могла найти код возврата. Пока они разбирались с приложением, выяснилось, что заказ получала Лада Горина. Консьержка должна была прийти за своими посылками после семи.

— Удобно, — сказала женщина. — Я на работе, Лада всё принимает.

— А возврат тоже она оформляет? — спросила Олеся.

— Иногда. Я ей код присылаю.

— Код действует сколько?

Женщина задумалась.

— Пока не оформят, наверное.

Она не видела в этом опасности. Лада была человеком, которому доверяли дом, кота и доставку. На её телефоне скапливались коды от десятков заказов, а в журнале — даты отсутствия жильцов.

К семи в пункте стало ещё теснее. Лада пришла с хозяйственной сумкой. Ольга выдала ей четыре коробки без паспорта. Один код не сработал, но заказ нашли по номеру квартиры.

Увидев нас, она остановилась.

Лада спросила, почему мы теперь и здесь. Олеся ответила, что пришла за признаниями вне протокола, но шутка не помогла. Из-за наших вопросов консьержку вызывали в управляющую и велели убрать журнал со стойки. Теперь он лежал в ящике, а ключ Лада держала при себе. Она похлопала по

карману и потребовала от Ольги чек.

Разговор мог закончиться, но мужчина у примерочной вмешался. Он оказался тем самым жильцом, которого в домовом чате называли юристом-жалобщиком. Роман Устинов вернул пылесос два месяца назад и с тех пор писал претензии пункту, продавцу, перевозчику и управляющей компании. Громкость его голоса росла вместе с числом адресатов.

Лада отказалась считать себя свидетелем и напомнила, что Устинов сам фотографировал мокрую коробку. Он возразил: снимок подтверждал приём товара без замечаний. Спор быстро дошёл до вопроса, кто именно поставил упаковку у стойки, и Ольга попросила их остановиться.

Устинов заметил мой блокнот, принял меня за проверяющую, а после слова «журналист» обрадовался ещё сильнее. У него был собран материал о системном нарушении прав потребителей.

— Здесь не только мой случай. Я фотографирую каждую передачу товара, потому что сотрудники потом меняют обстоятельства.

Он открыл папку со снимками коробок и чеков. Большинство доказывало только настойчивость владельца.

Олеся попросила показать снимки за вечер гибели Галины Петровны. Устинов пролистал галерею. В тот день он возвращал насадку для пылесоса и снимал её со всех сторон.

На одном кадре за его коробкой стояла моя. Я узнала вмятину на боковой стенке и приподнятый угол наклейки. Си-

ний брелок ещё находился внутри.

— Увеличьте номер, — попросила я.

Верхняя этикетка была видна под углом. Номер отличался от того, который Ольга проверяла при мне. Первые цифры совпадали, последние — нет.

— Когда сделан снимок?

— В восемнадцать сорок две, — ответил Устинов. — Метаданные сохранены. Я всегда сохраняю.

— Можете переслать оригинал?

— После письменного запроса.

Он уже приготовился объяснять порядок обращения. Олеся спросила, готов ли он помочь установить обстоятельства гибели Галины Петровны. Устинов перестал говорить о запросе и отправил файл сразу.

— Я с ней не конфликтовал, — добавил он. — Она одна здесь нормально работала.

Ольга посмотрела на фотографию. По её словам, номер на снимке относился к проблемному возврату, который не был закреплён за получателем. Позже коробке присвоили другой внутренний номер и связали с моим заказом. Как это произошло, система должна была показать в истории операций.

Я попросила открыть служебный журнал. Ольга отказалась делать это при клиентах, а Устинов сразу предложил зафиксировать отказ. На замечание, что он не имеет отношения к коробке, юрист ответил про права неопределённого круга лиц. Ольга посмотрела на меня и отвела глаза. При на-

стоящей проверке все эти признания попали бы в один акт.

Она снова объявила технический перерыв, закрыла вход на пятнадцать минут и попросила ожидающих забрать уже выданные заказы. Устинов отказался уходить, пока не получил документ по своей насадке. Лада взяла его под локоть и вывела в холл, пообещав лично объяснить, где он неправ. Он ушёл с ней, продолжая доказывать обратное.

Когда дверь закрылась, в пункте стало непривычно тихо. Ольга провела нас в подсобку.

За стеллажом был обход к задней стене. Там стоял принтер этикеток, а камера не захватывала руки человека за столом. Слева старый дверной проём закрывала металлическая панель.

Настасья Петровна провела ладонью вдоль края, не касаясь панели.

— Её открывают.

— Нет, — сказала Ольга. — Она закручена.

Внизу один винт отличался от остальных. На полу лежала свежая металлическая стружка. Ольга наклонилась и сразу выпрямилась.

— Этого утром не было.

— Вы каждый день проверяете винты? — спросила я.

— Нет. Но пол мыла Галина Петровна. Здесь было чисто.

Панель мы не тронули. Я сфотографировала стружку и отправила снимок Кузьмину. Он ответил, что пришлёт сотрудника и велел никого не пускать в подсобку.

Ольга открыла журнал операций. История нужной коробки занимала несколько строк. Сначала ей присвоили код со снимка Устинова. Через сорок минут его сняли, а упаковку перевели в сектор неопределённых возвратов. Потом появилась новая наклейка и привязка к моему заказу.

— Кто выполнял операции? — спросила Олеся.

В графе сотрудника стояли инициалы Ольги.

— Я этого не делала, — сказала она.

— Вы были на смене?

— Первую операцию проводила я. Потом уехала домой в половине девятого. Галина Петровна оставалась закончить уборку.

— Кто закрыл пункт?

— Система закрылась под моей учётной записью. Так бывает, если терминал не перезапустить.

Я попросила показать адрес назначения после перевода в неопределённые возвраты. Ольга открыла карточку. В строке получателя значился корпус 7Г того же жилого комплекса.

— Такого корпуса нет, — сказала Лада, вернувшись в подсобку. — Нумерация заканчивается шестым.

Ольга проверила справочник. Система принимала адрес, но на плане комплекса корпус 7Г отсутствовал. В журнале маршрут выглядел завершённым: коробку передали по внутренней операции и приняли на несуществующем адресе.

— Это техническая ячейка? — спросила я.

— Не должна быть, — ответила Ольга. — Адреса создаёт центральная служба.

— А подпись чья?

Она открыла подтверждение приёма. Внизу стояла электронная подпись: «О. Шипулина». Время — 23:18.

Ольга побледнела.

— Я была дома.

— Подтвердить сможете? — спросила я.

— У меня доставка продуктов в 22:50. Курьер звонил в домофон. Потом я разговаривала с сестрой по видеосвязи.

Лада посмотрела на неё с недоверием.

— А пароль от учётной записи у кого?

— Только у меня.

— На бумажке не записан?

— Нет.

Ольга замолчала, потом открыла ящик под столом. На внутренней стороне был приклеен маленький листок с цифрами.

— Это не пароль, — быстро сказала она. — Это код разблокировки терминала.

Олеся вздохнула.

— И его знают все сотрудники?

— Только смены. И курьеры иногда видят, когда мы вводим.

Ольга оторвала бумажку, смяла и тут же расправила. Теперь она боялась уничтожить даже собственную записку.

Мы сохранили журнал и отправили Кузьмину вместе с фотографией Устинова. Ольга потребовала указать, что сама предоставила сведения и не признаёт операции после половины девятого.

— Укажем, — сказала я. — Но журналы лучше не закрывать и не исправлять.

— Вы думаете, я стану их прятать?

— Я думаю, вам страшно оказаться крайней.

Ольга села на складной стул.

— Конечно, страшно. Недостача на мне, подпись моя, вход под моей учётной записью. Все решат, что я устроила схему.

Успокаивать её было нечем. Мы знали лишь, что учётной записью пользовались после ухода. Это могло означать подделку или попытку создать алиби.

Настасья Петровна подошла к столу с принтером и посмотрела на рулон этикеток.

— Сколько времени нужно, чтобы поменять номер?

— Полминуты, — ответила Ольга.

— А чтобы вынести коробку?

— Через задний проход — минуту, если панель открыта.

— Значит, проверять надо не подпись, а путь.

Снаружи снова стучали в дверь. Технический перерыв закончился для посетителей раньше, чем для нас. Ольга поднялась и пригладила волосы.

— Я открою. Иначе жалоб будет больше, чем коробок.

Перед выходом она снова посмотрела на журнал. Операцию оформили от её имени и завершили по адресу, которого не существовало. Подпись Ольги появилась, когда она физически не могла быть в ПВЗ.

Глава 6. Недостача Ольги

Утром Ольга написала мне одно сообщение: «Приходите до открытия. Одна». Через минуту добавила: «Можно с Олесей». Настасью Петровну она не упомянула, но та всё равно собралась вместе с нами.

— Я на улице подожду, — сказала она. — Если человек зовёт одного, толпу приводить не надо. Но дверь посмотрю.

ПВЗ открывался в девять. Мы пришли без четверти восемь. Рольставни были опущены, свет в зале не горел. Ольга впустила нас через служебный вход и сразу заперла дверь.

В подсобке стало тесно. После вчерашнего осмотра металлическую панель у задней стены опечатали. На полу оставались следы порошка, которым полицейский искал отпечатки. Коробки с проблемными возвратами стояли на другом стеллаже. Каждая получила бумажную бирку и время последней проверки.

Ольга поставила на стол три стаканчика кофе из автомата.

— Это не взятка, — сказала она. — Я всё равно их купила, а пить не могу.

Олеся взяла один.

— Тогда это утилизация без списания.

Ольга не улыбнулась. Она открыла журнал операций и повернула экран ко мне.

— Подпись за меня могли поставить.

— Кто?

— Любой на смене, если терминал открыт.

Вчера она уверяла, что пароль знала только сама. Теперь выяснилось, что сотрудники иногда работали под чужими учётными записями. Вечером очередь росла, один человек принимал выдачу, второй оформлял возвраты, а система требовала подтверждать каждую операцию отдельным входом.

— Мы не успевали, — сказала Ольга. — Поэтому не выходили из профиля. Если я была старшей, всё шло под моим именем.

— И подпись тоже?

— Электронная. Она ставится автоматически после кода терминала.

— Который лежал в ящике.

— Не лежал. Был приклеен внутри.

— Это заметно меняет защиту, — сказала Олеся. — Снаружи не видно.

Ольга стукнула пальцем по столу.

— Я понимаю, как это звучит. Мне сейчас не нужен ваш сарказм.

— Это не сарказм. Я хочу, чтобы вы перестали защищать бумажку и рассказали, что произошло.

Ольга отодвинула кофе. Её пальцы дрожали, и она спрятала руки под стол.

— Мы закрывали смены задним числом. Так делали

все старшие: зависшую коробку переводили в проблемные, утром исправляли, иногда подписывали друг за друга. Это нарушение, но отдельной схемы не было.

— Галина Петровна знала?

— Она видела, как мы работаем. Но в журнал не заходила.

Я спросила, почему Ольга вызвала нас до открытия, а не рассказала всё Кузьмину. Она ответила не сразу. Потом достала из кармана сложенный лист и положила передо мной.

Это был внутренний отчёт по недостатке. В правом углу стояла сумма, от которой кофе действительно мог перестать помогать.

— Пропадала мелкая техника, — сказала Ольга. — Наушники, часы, накопители. Не каждый день. Сначала один товар, потом другой. Если оформлять всё честно, проверка закроет пункт, а сумму удержат с нас.

— Поэтому вы прятали пропажи?

— Не прятала. Переносила.

— Куда?

Она указала на журнал.

Когда товар исчезал, Ольга искала коробку с ошибочной маркировкой и оформляла списание на неё. Если вещь находилась позже, проводила поздний возврат. В отчётах недостача уходила из одной строки и появлялась в другой. Сумма не исчезала, но проверка не видела, что один и тот же пункт теряет технику несколько недель подряд.

— Я хотела закрыть разницу до квартального отчёта, —

сказала она. — Часть уже закрыла из зарплаты.

— А остальное?

— Надеялась найти. Или удержать с курьера, если докажу пересорт.

— Очень удобный план, — заметила я.

— У вас есть другой? Сказать начальству, что из подсобки пропадают товары, а камера не видит стол? Они пришлют комиссию и уволят смену. Камеру при этом не переставят.

Ольга так долго обходила плохие правила, что перестала замечать, где временный компромисс превратился в сокрытие. Она нарушала учёт не ради богатства и пыталась исправить недостачу раньше, чем её заметят.

Ольгина ложь не снимала подозрений, но давала правдоподобную версию: коробки получали новые номера, подписи появлялись после смены, техника исчезала. Галина Петровна могла узнать о подменах и потребовать прекратить. Тогда её гибель переставала быть обычным ДТП.

Я спросила прямо:

— Вы встречались с Галиной Петровной после закрытия?

Ольга подняла голову.

— Нет.

— Звонили ей?

— Один раз. Она не ответила.

— Зачем звонили?

— Хотела узнать, почему она вернулась.

— Откуда вы знали, что вернулась?

Ольга поняла, куда завела себя, и закрыла глаза.

— Камера прислала уведомление о движении у служебного входа. Я была дома. Увидела, что дверь открыли её меткой.

— Во сколько?

— В 22:48.

По журналу в это время коробку уже передали курьеру. Через две минуты терминал снова открылся под учётной записью Ольги. В 23:18 появилась подпись о приёме на несуществующем адресе.

— Почему вы не сказали полиции про уведомление? — спросила я.

— Тогда пришлось бы объяснять слежку за входом после смены, открытый терминал и недостачу.

— Вы скрыли сведения о погибшей ради работы.

— Я испугалась.

— Галина Петровна тоже могла испугаться.

Ольга резко встала, задела стакан, и кофе разлился по столу. Она схватила рулон бумажных полотенец. Олеся помогла убрать жидкость, не сказав ни слова. Через минуту мокрые листы лежали в урне, а разговор стал тише.

— Я не убивала её, — сказала Ольга.

— Я пока не говорю, что убивали вы.

— Но думаете.

Я действительно почти так думала. Поддельная подпись, недостача, скрытое уведомление и доступ к коробкам скла-

дывались слишком удобно. Ольга могла менять номера, выводить товар из учёта и пользоваться слепой зоной. Если Галина Петровна увидела лишнее, у Ольги появился мотив заставить её молчать.

Домофоны требовали другого ресурса. Ольга работала с выдачей и доступа к контроллерам не имела. Подмена товаров могла объяснить недостачу, но три квартирные кражи — нет.

— Когда началась недостача? — спросила я.

Ольга открыла таблицу. Первая запись стояла двадцать второго июня.

— Уверены?

— В тот день пропали наушники. Я пересчитала склад после смены.

Я достала свои записи. Первую квартиру обворовали девятнадцатого июня. До недостачи оставалось три дня.

Ольга тоже увидела дату.

— Значит, это не связано.

— Не торопитесь. Может быть связано, но не так, как вы думаете.

Мы сверили остальные случаи. Вторая кража произошла двадцать шестого июня, когда Ольга была выходной. Третья — второго июля. В тот день она уезжала к матери в районный центр, что подтверждали билеты и банковская оплата на заправке.

Недостача началась после первой кражи. Во время двух

следующих Ольга не работала. Она могла участвовать в подменах и скрывать пропажи, но её действия не объясняли начало серии.

— Товары исчезали после ночных заборов? — спросила Олеся.

— Чаще утром не сходиллся остаток. Я думала на курьеров.

— Почему не заявили?

— Потому что курьер скажет, что принял запечатанный мешок. Я должна доказать, что вещь была внутри.

— Камера?

Ольга посмотрела на слепой угол.

— Камера видит, как мешок уходит за стеллаж и выходит обратно. Что в него положили, не видно.

Настасья Петровна всё это время стояла у задней стены. Она не вмешивалась, пока разговор шёл о журналах. Теперь показала на узкий проход между стеллажом и опечатанной панелью.

— Тележка здесь проходит?

— Если боком.

— А коробку можно передать из соседнего помещения?

Ольга посмотрела на панель.

— Если там действительно старая дверь.

— Там дверь, — сказала Настасья Петровна. — Вопрос только в том, открывают ли её сейчас.

Она присела у пола и показала свежую царапину на нижнем крае. После вчерашней проверки панель никто не дол-

жен был трогать. Пломба оставалась целой, но лист металла отходил от стены выше крепления. Рука туда не проходила, кабель или плоский пакет — вполне.

Ольга подошла ближе.

— Значит, товары могли уходить туда.

— Могли, — ответила Настасья Петровна. — Пока мы видим щель, а не человека.

Я сфотографировала царапину и отправила Кузьмину. Он перезвонил сразу. Выслушав признание Ольги, велел не удалять журналы и дожидаться сотрудника. Ольга села на стул так тяжело, будто уже услышала приказ об увольнении.

— Вы всё рассказали, — сказала Олеся. — Теперь хотя бы не придётся помнить, где соврали.

— Очень поддерживает.

— Я не оправдываю вас. Но из двух бед лучше разбирать ту, которую уже назвали.

До приезда полиции оставалось около часа. Ольга предложила выйти в кафе за углом. Она не хотела, чтобы утренняя смена услышала про недостачу раньше руководства. Настасья Петровна осталась у ПВЗ ждать сотрудника и следить, чтобы в подсобку никто не заходил. По её словам, охранять опечатанную стену было спокойнее, чем слушать, как взрослые люди оформляют страх возвратом.

В кафе мы заняли стол возле окна. Ольга заказала воду и попыталась открыть на телефоне служебное приложение. Руки у неё снова дрожали.

— Я хочу закрыть признание правильно, — сказала она.

— Это не операция в системе, — ответила я.

— Там есть форма служебного инцидента.

— Вы собираетесь оформить признание как возврат?

— Я собираюсь зафиксировать время.

Олеся мягко забрала у неё телефон.

— Сначала скажите всё словами. Форму заполните при следователе.

Ольга рассказала о первой пропаже. Наушники пришли без внешних повреждений. Вечером коробка стояла в секторе выдачи, утром внутри оказался дешёвый кабель. Она решила, что клиент подменил товар, и оформила спорный возврат. Потом пропали часы. Их коробку нашли пустой в мешке на списание. После третьего случая Ольга поняла, что проблема внутри пункта, но уже успела провести две операции с чужими номерами.

— Галина Петровна заметила пустую коробку? — спросила я.

— Она нашла наклейку в ведре. Сказала, что номер один, а коробка другая. Я ответила, что это пересорт.

— Когда?

— За день до вашего заказа.

— И что она сделала?

— Ничего при мне. Потом стала записывать номера на карточках.

Смятый фрагмент у тележки мог быть одной из таких кар-

точек. Слова «не отдавать» относились не только к синему брелочку. Галина Петровна пыталась остановить передачу коробки, которая уже получила чужую историю.

— Она показывала вам синий брелок раньше? — спросила я.

— Нет. Увидела его при вас.

— Почему тогда сразу узнала неправильный возврат?

— Наверное, по коробке.

— Или по номеру.

Ольга кивнула, но уверенности у неё не было.

Я попросила таблицу недостачи и историю всех коробок, которые она использовала для ошибочных списаний. Она отказалась.

— Там мои нарушения. Вы опубликуете, меня уволят раньше, чем полиция проверит остальное.

— Без журналов мы не отделим ваши подмены от чужих.

— Я передам Кузьмину.

— Он будет проверять ДТП и кражи. Нам нужен маршрут упаковки.

— Вам кто дал право?

Вопрос прозвучал справедливо. Полиция имела право официально изъять документы. Мне оставалось просить и обещать, что её страх не станет удобным материалом.

— Никто, — сказала я. — Поэтому решаете вы. Но без копий я не смогу проверить, где заканчивается ваша недостача и начинается другая схема.

Ольга посмотрела на Олесю.

— А вы что скажете?

— Что Вера иногда сначала бежит, потом спрашивает, можно ли было. Сейчас она спросила. Это уже хороший день.

Я не стала возражать. Ольга открыла приложение, выгрузила журнал в файл и отправила его на мою почту.

— Моё имя не публикуете до проверки, — сказала она.

— И сумму тоже.

— Согласна.

— Даже если решите, что виновата я.

— Если появится доказательство преступления, я передам его полиции. Но признание о недостатке не опубликую раньше проверки.

— Запишите.

Я записала условие в блокнот и показала ей. Ольга сфотографировала страницу. Потом забрала телефон у Олеси и оформила служебный инцидент. В поле «Описание» она написала слишком много, система отказалась принимать текст. Пришлось сократить признание до трёх предложений. Ольга перечитала их и сказала, что так вся её жизнь выглядит как техническая ошибка.

Мы вернулись в ПВЗ. Полицейский уже опрашивал Настасью Петровну, а та объясняла ему, почему опечатанная панель может двигаться, не повреждая пломбу. Он проверил крепления и вызвал техника.

Ольга открыла утреннюю смену с опозданием. Первым посетителем оказался Роман Устинов. Он потребовал письменное подтверждение технического перерыва и спросил, не связана ли задержка с его вчерашним заявлением.

— Связана с тем, что я поздно открыла, — сказала Ольга.
— Этого достаточно.

Он посмотрел на полицейского у подсобки и решил, что недостаточно. Олеся отвела его к окну и попросила ещё раз прислать оригиналы фотографий. Через минуту юрист уже объяснял метаданные и перестал мешать работе.

Дома мы открыли журнал на моём компьютере. Олеся заносила даты в таблицу, а Настасья Петровна резала утренний пирог. Синий брелок лежал в банке у двери. На экране он выглядел одним из сотен номеров; важным его делали совпадение номера с коробкой и предупреждение Галины.

Антон подключился по видеосвязи. Я отправила ему копию журнала после того, как закрыла строки с персональными данными клиентов.

— Зачем закрыли номера отправлений? — спросил он.

— В них адреса и телефоны.

— Мне нужны маршруты.

— Получите номера, когда будет согласие Ольги или запрос Кузьмина.

Он посмотрел на меня несколько секунд, потом кивнул.

— Тогда работаем по времени.

Мы нашли коробку с двумя наклейками. В 22:47 система

отметила передачу курьеру Артёму Чеснокову. В 23:18 та же упаковка получила новый внутренний номер и несуществующий адрес. Утром коробку сфотографировали в подсобке.

— Возможно, вернули после ночного рейса, — сказала Олеся.

Антон сверил интервалы.

— Машина выехала со склада в 22:55. До сортировочного центра двадцать семь минут без остановок. Вернуться к 23:18 она не могла.

— Значит, отметка о передаче ложная.

— Либо курьер забрал другую коробку под тем же номером.

Я открыла фотографию Устинова. Наклейка отходила в левом верхнем углу. На утреннем снимке полиции угол был таким же. Вмятина на боку тоже совпадала.

Настасья Петровна поставила рядом тарелку с пирогом.

— Бумага может ошибиться. Вмятина — реже.

В журнале коробка продолжала числиться в машине курьера. В акте приёма она уже находилась по адресу корпуса 7Г. А на фотографии стояла в подсобке ПВЗ.

Ольгина недостача объясняла поддельные операции и страх проверки. Но два одновременных маршрута оставались загадкой: по учёту коробка ехала в машине Артёма Чеснокова, а физически стояла за стеной пункта выдачи.

Глава 7. Маршрут через стену

После обеда Антон прислал сообщение: «В ПВЗ через двадцать минут. Нужна пустая коробка среднего размера». Ни приветствия, ни объяснений. Я показала экран Олеся.

— Он приглашает тебя на свидание своей мечты, — сказала она. — Коробка, служебный коридор и отметки времени.

— Мы работаем.

— Тогда почему он пишет так, будто уже назначил тебя ответственной за коробку?

Настасья Петровна отложила чашку и посмотрела на банку с синим брелоком у двери.

— Брелок оставьте здесь. Проверять надо путь, а не всё сразу.

В ПВЗ Антон уже стоял у стойки. Рядом с ним лежала новая картонная коробка, заклеенная белой лентой. На верхней стороне была тестовая наклейка с крупной буквой К и временем 14:06. Ольга смотрела на неё с недоверием, словно коробка пришла устраиваться к ней без документов.

— Вы опоздали на три минуты, — сказал Антон.

— Я пришла в пределах человеческого времени.

— Для маршрута важны минуты.

— Тогда пишите точный адрес, а не «в ПВЗ».

Он протянул мне лист. Схема показывала путь от стойки

через подсобку к служебной двери и контроллерам. Напротив каждого пункта оставили место для времени и подписи.

— Мы повторяем обычный путь коробки? — спросила я.

— Тот, который должен быть обычным. Потом проверим отклонения.

Ольга предупредила, что разрешение касается подсобки и трёх служебных дверей. Для помещения контроллеров требовалось отдельное согласование подрядчика.

— Дверей четыре, — сказал Антон, сверившись со схемой.

— Я предупреждала.

С первой минуты проверка упёрлась во вход, которого не было в списке. Представитель управляющей компании назвал четвёртую дверь внутренней границей подрядчика. Тот обещал прислать специалиста в течение рабочего дня, который заканчивался раньше исполнения обещаний.

— Начнём без контроллерной, — решил Антон. — Зафиксируем доступный участок.

— Вы всегда так разговариваете? — спросила я. — Сначала команда, потом объяснение?

— Когда время влияет на результат, да.

— А когда рядом живые люди?

Он посмотрел на меня, но отвечать не стал. Ольга положила тестовую коробку на весы. Мы записали массу, сфотографировали все стороны и провели наклейку через сканер. В системе появился внутренний номер. В 14:14 коробку пе-

ревели в сектор проблемных возвратов.

Ольга поставила её на нижний стеллаж, где раньше стояла упаковка с синим брелоком. Антон попросил повторить действие ещё раз: взять коробку, отнести к приёмному столу и вернуть. Он снимал время на телефон. Я следила за тем, как меняется положение наклейки относительно камеры.

Из клиентского зала верхняя сторона коробки была видна почти полностью. За служебной дверью обзор терялся. Камера над коридором показывала только голову сотрудника и край груза. Руки исчезали за высоким стеллажом.

— Здесь можно заменить наклейку, — сказала я.

— Можно. Но нам нужен след фактического перемещения.

Антон подписал полоску бумаги на нижнем крае коробки и провёл по углам графитовым карандашом.

— Чтобы не подменили? — спросила Ольга.

— Чтобы увидеть места соприкосновения.

Я взяла коробку по его просьбе и понесла в подсобку. Она была почти пустой, но Антон положил внутрь свёрнутый пакет, чтобы вес совпадал с прежней упаковкой. В слепом углу запах картона усилился. Стеллажи стояли близко, и коробка задевала края полок.

— Медленнее, — сказал Антон.

— Если курьер шёл быстро, наша проверка уже неправильная.

— Сначала фиксируем возможный путь. Скорость прове-

рим отдельно.

— Вы заранее знаете, куда она пойдёт?

— Я знаю, где путь прерывается.

Эта уверенность прозвучала слишком личной для человека, который привык прятаться за журналами. Я поставила коробку на стол у принтера. Камера отсюда не видела ни наклейку, ни мои руки. Ольга отсканировала номер, перевела его в «подготовлено к передаче» и назвала время.

Технический сотрудник открыл заднюю дверь меткой подрядчика. Она находилась справа от металлической панели и вела в узкий коридор между ПВЗ и жилой частью дома. На новом плане её обозначили как сервисный выход, однако на двери не было номера. В журнале доступа событие отобразилось под общим кодом «служебная зона».

Антон взял коробку у меня и прошёл первым. Я записала время. Ольга осталась у терминала, чтобы проверить, когда изменится статус.

За дверью стало прохладнее. Свет включался от движения с задержкой. Антон остановился у первого поворота и положил коробку на пол.

— Зачем?

— Проверяю поверхность.

Под ней осталась сероватая полоса. Рядом лежала картонная пыль, собравшаяся у плинтуса. Среди неё блеснул синий кусочек. Я присела, не касаясь находки.

Это была крошка краски или лака, размером с семечко.

Цвет совпадал с брелоком, но выводить из этого связь было рано. Синим красили тележки, маркировку и ручки хозяйственного инвентаря.

Антон достал пакет для образца.

— Не трогайте, — сказал он.

— Я и не собиралась.

— Вы наклонились ближе.

— Глазами я пока имею право пользоваться?

— Пока да.

Я отметила его ответ в блокноте. Он заметил и спросил, записываю ли я все реплики.

— Только те, которые человек потом захочет отрицать.

— Тогда оставьте место для своих.

Крошку он убрал в пакет, пыль собрал на липкую ленту. У нижнего края двери нашлись свежие царапины. Они шли на высоте угла коробки. Мы повторили проход, и графитовая метка на картоне совпала с одной из них.

— Через эту дверь коробки носили, — сказала я.

— Этого никто не отрицал. Вопрос — куда дальше.

Служебный коридор делился у пожарного шкафа. Прямой путь вёл к лестничному холлу дома. Слева находилась стена ПВЗ, закрытая светлыми панелями. По плану проход заканчивался возле вентиляционной решётки.

Антон не посмотрел на схему. Он сразу повернул влево.

— Почему туда? — спросила я.

— Там короче до контроллеров.

— По плану там глухая стена.

— План устарел.

— Откуда вы знаете?

Он остановился, затем показал на кабельный короб под потолком.

— Линия доступа идёт туда.

Объяснение было разумным, но появилось после вопроса. До того как он поднял голову к кабелю, направление уже выбрал.

У стены Антон поставил коробку на пол и попросил меня пройти назад до развилки. Я вернулась, а он выключил свет кнопкой у шкафа. Коридор погрузился в полумрак. Через несколько секунд лампы над развилкой включились от моего движения, но участок возле стены остался тёмным.

— Камера здесь есть? — спросила я.

— На плане нет.

— После последних открытий это слабое утешение.

Мы проверили угол телефоном. Над вентиляционной решёткой висел старый корпус камеры, повёрнутый к лестнице. Пространство у стены в кадр не попадало. Человек мог донести коробку до этого места и исчезнуть из записи на несколько минут.

Я провела ладонью над панелью, не касаясь её. Здесь снова чувствовался обрыв движения. Предмет принесли к стене с намерением передать дальше, а потом путь скрыли. Остаток был слабым и смешивался с десятками коробок, которые

годами ставили на пол. Однако он не тянул назад к ПВЗ.

Антон стоял рядом и смотрел на стену. Выражение его лица изменилось. Он словно измерял расстояние до конца пути.

— За ней есть пустота, — сказал он.

— По простукиванию?

Он ещё не касался панели.

— По кабелю.

Антон постучал костяшками пальцев. На первом участке звук был глухим, а через полметра изменился. За облицовкой действительно оставалось пространство.

— Вы сначала решили, потом проверили, — сказала я.

— Иногда проверка начинается с рабочей версии.

— А версия откуда?

— Из маршрута.

Он снял вентиляционную решётку. За ней оказался не воздуховод, а пустая ниша с проводами. Один кабель уходил вниз, где облицовка была закреплена двумя разными винтами. Верхний покрывала старая краска, нижний недавно меняли.

Ключ от панели находился у техника управляющей компании, который ехал к нам уже сорок минут. Антон предложил ждать. Я напредила, что рабочий день подрядчика может закончиться раньше. Он достал складной набор отвёрток.

— Это будет повреждение пломбы, — сказала я.

— Здесь пломбы нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.